

И. А. Гончаров

**Том седьмой: Очерки,
повести, воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г65

Гончаров И.А.

Г65 Том седьмой: Очерки, повести, воспоминания / И. А. Гончаров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 388 с.

ISBN 978-5-4241-1506-6

Иван Александрович Гончаров родился 18 июня 1812 года в Симбирске. Учился сначала в частном пансионе священника Ф. С. Троицкого, затем в Московском коммерческом училище, не завершив обучение поступил на словесное отделение Московского университета. Окончив университет, Гончаров устраивается переводчиком в министерство финансов. В 1838 году он публикует в рукописном журнале "Подснежник" повесть "Лихая болезнь". В 1842 году Гончаров написал серию биологических очерков "Иван Савич Поджабрин", опубликованных только в 1848 году. В 1847 году в "Современнике" был напечатан роман "Обыкновенная история". В 1852 году Гончаров отправился в кругосветное путешествие, итогом которого стал двухтомник путевых очерков "Фрегат "Паллада". В 1855 году писатель вернулся в Петербург и вскоре в журнале "Отечественные записки" опубликовал роман "Обломов". В 1869 году вышел роман "Обрыв", который вызвал резкое неодобрение критики. С 1855 по 1860 год Гончаров работал цензором, после ужесточения правил подал в отставку. Некоторое время редактировал газету "Северная почта". В 80-х годах Гончаров выпустил свое собрание сочинений. Умер Иван Александрович Гончаров 27 сентября 1891 года в Петербурге.

ISBN 978-5-4241-1506-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© И.А. Гончаров, 2021

Иван Александрович Гончаров
Том седьмой: Очерки, повести,
воспоминания

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

— -----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1954 3

И. А. ГОНЧАРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ СЕДЬМОЙ

ОЧЕРКИ, ПОВЕСТИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1954 4

Подготовка текста и примечания *К. Н. ПОЛОНСКОЙ*

Очерки

Иван Савич сидел после обеда в вольтеровских креслах и курил сигару. Ему, по видимому, было очень скучно. Он не знал, что делать. Для препровождения времени он то подождет ноги под себя, то вытянет их во всю длину, по ковру, то зевнет, то потянется или стряхнет в чашку кофе пепел с сигары и слушает, как он зашипит; словом, он не знал, что делать со скуки. Ехать в театр еще рано, в гостях он быть не любил. В передней храпел слуга, у ног спала собака. Все сердило Ивана Савича, и эта досада простиралась и на лакея и на собаку. Иван Савич уже попотчевал двумя пинками Диану, которая сунулась было лизать ему руку. Она, свернувшись, легла на ковер и чуть-чуть дрожала, только по временам открывала один глаз и искоса поглядывала на своего господина.

– Авдей! – кричал он.

– Че-о изволит... – вприсонках пробормотал тот.

– Не храпи! Эх ты храпишь: за две комнаты слышно.

Храпенье прекратилось; место его заступила продолжительная, энергическая зевота, с прибавочными звуками: ге! ге! ге!

– Не зевай или зевай как следует, про себя! – кричал Иван Савич.

Воцарилось молчание, но ненадолго. Поднялся сухой, продолжительный кашель. Приятель мой пожал плечами.

– Вот, кашлять стал! Не можешь посидеть смирно? А отчего кашель? оттого, что все по сеням да по двору таскаешься в одном жилете. Говорил тебе: нет, не слушайся. Ну, смотри, у меня и спи на дворе, а здесь я кашлять тебе не позволю.

После этого увещания оба замолчали, и Иван Савич опять принялся за свои занятия: за вытягивание и поджимание ног, за стряхивание пепла и проч.

Вдруг в зале послышались шаги Авдея. Он явился в кабинет и стал у дверей. То был низенький, плешивый, пожилой человек. Волосы у него на затылке были с проседью.

– Что тебе надо? – спросил Иван Савич.

– Я забыл вам сказать: дворник давеча говорил, что на вас хотят жаловаться...

– Кто? кому? – с испугом спросил Иван Савич.

– Хозяину жильцы.

– Жильцы? хозяину?

– Да-с: слышь, женскому полу проходу не даем...

– Цс! что, дурак, орешь!

– Да-с. Вон этот чиновник, что против нас живет, – продолжал Авдей, – очень недоволен. Дворник говорит: как, говорит, твой барин со двора, так и жена зтого чиновника на рынок-с с девкой идет. На что это, говорит, похоже? Муж-то, говорит, раз и пошел следом за вами и видел, говорит, как вы, вышь, вышли из переулка да с ней рядом и пошли, и был, говорит, очень, очень недоволен: ворчал целый день и только к вечеру утомился, и то оттого, что выпил.

– Гм! какой варвар! – сказал Иван Савич, покачав головой, – ну?

– Еще, слышь, булочник жаловался...

– А этот на что?

– Все, вишь, дочь его мимо наших окошек шмыгает да в кухню к нам часто заглядывает.

– В самом деле? На кого ж булочник жаловался: на меня или на дочь?

– Не могу знать.

– Так знаешь что? – сказал Иван Савич.

– Не могу знать.

– Ищи поскорей другую квартиру.

– Опять! – горестно сказал Авдей, – давно ли переменили.

– Давно ли! что ж делать! ты сам видишь, что нам житья здесь нет: притесняют. Долго ли до беды? Ищи!9 – Этакую квартиру менять! – сказал Авдей, – и сарай и ледничек особый...

– Вот еще! зачем нам ледничек! Мы дома не стряпаем, впрок ничего не запасаем.

– Как зачем-с? неровно пригодится. Вот раз дыню на лед клали... Мало ли зачем?

– Нет, ищи! Да мне эта квартира и надоела. Я уж всех здесь знаю: все наскурили. Не с кем пожуировать жизньню.

– А Марья Михайловна?..

– Ну, уж дрянь-то! Ищи!

– Побойтесь бога, Иван Савич, – сказал Авдей, – грешно, право, грешно.

– Полно! – с досадой возразил Иван Савич. – По-твоему, не пожуируй! Сиди вот этак с тобой да с Дианкой дома: не с кем слова сказать. Да еще пожалуются – беда выйдет, пристанут! Ищи. Да смотри, чтоб окна выходили на улицу и на двор. А если где заметишь в доме... понимаешь?.. того... так хоть на улицу и не будет окошек, нужды нет.

Ежедневный образ жизни Ивана Савича, как нынешние драмы, разделялся на три картины. Утро в должности. Это он называл *серьезными занятиями*, хотя иногда сидел там, ничего не делая. Обед в трактире, часто с приятелями. Тогда обедали шумно и напивались обыкновенно пьяны. Это называлось *кутить* и считалось делом большой важности. Вечер или в театре, или в обществе какой-нибудь соседки. Последнее значило у Ивана Савича и подобных ему *жуировать* жизньню. Выше и лучше этого он ничего не знал. Родители оставили ему небольшое состояние и познакомили его с порядочными людьми. Но он нашел, что знакомство с ними – *сухая материя*, и мало-помалу оставил их. Книг он не читал, хотя учился в каком-то учебном заведении. Но дух науки пронесся над его головой, не осенив ее крылом своим и не пробудив в нем любознательности. Каким он вступил в учебное заведение, таким и вышел, хотя, по заведенному в этом заведении похвальному обычаю, получил при выходе похвальный лист *за прилежание, успехи и благоравное поведение*.

На другой день Авдей доложил Ивану Савичу, что на трех воротах видел объявления и осмотрел две квартиры: обе казались хороши. Иван Савич оделся и отправился10 вместе с ним. Они пришли к большому четырехэтажному дому. У ворот сидел мужик в тулупе.

– Не дворник ли ты? – спросил его Иван Савич ласково.

Мужик зевнул и молча стал смотреть в другую сторону.

– Где здесь дворник? – спросил Авдей.

Мужик молчал.

– Дома дворник? – спросил опять Иван Савич.

Мужик посмотрел на них обоих и молчал.

– Да что ж ты, глух, что ли? говори.

– Я не здешний! – лениво отвечал мужик, запахивая тулуп.

– Так бы и говорил, чухна проклятая! – сказал Авдей, – а то молчит!

Они вошли на двор. Им навстречу попался еще мужик.

– Дворник? – спросил Иван Савич.

– Никак нет-с, – проворно отвечал мужик, приподняв шляпу, – вон где дворник живет. Извольте позвонить. Кажись, дома.

– Позвони, Авдей!

Авдей позвонил. В дворнической никто не пошевелился Иван Савич позвонил сам сильнее: нет ответа. Авдей спустился со ступенек к засаленной двери и постучал кулаком. Молчание. И Иван Савич постучал по сильнее. Тоже.

– А вы бы покрепче! – сказал тот же мужик, который, указав им конуру дворника, все вертелся поодаль от них у ворот.

Иван Савич постучал очень крепко.

– А вы изо всей мочи, – сказал мужик.

– У меня уж нет больше мочи. Поди-ка ты, Авдей!

Все безуспешно.

– Пожалуйте-ка, я, – сказал мужик и застучал так, что стекла задребезжали.

Никто не откликнулся.

– Ну, видно, дома нет, – говорил мужик. – Я думал, не заснул ли он. Лют спать-то: нескоро добудишься. Нет ли разве на другом дворе?

Барин и слуга отправились на другой двор; за ними, в качестве наблюдателя, поплелся и мужик. Там бродили два гуся да пяток кур. В одном углу баба мыла кадку, в другом кучер рубил дрова.¹¹ – Не знаешь ли, тетка, – спросил Авдей, – где дворник? Нет ли его здесь?

– Нет, батюшка, не видать. Он должен быть на том дворе.

Они пошли опять на первый двор и прошли было уж ворота.

– Кого вам, господа? – закричал кучер, – дворника, что ли, надо?

И с этими словами вонзил топор в бревно, обернул его, поднял над головой и хлопнул оземь. Бревно разлетелось надвое; одна половинка ударила по коленке Авдея.

– Вишь тебя, леший... – сказал Авдей, прыгнув.

Кучер опустил топор к полу.

– Да, да, любезный, дворника. Где он? – спросил Иван Савич.

– Да, где он? – примолвил, почесывая коленку, Авдей.

Кучер поглядел на них, потом поплевал на ладони, взял топор и опять занес его над головой.

– Не знаю, не видал! – отвечал он, тряхнув головой, и вонзил топор в другое бревно.

– Зачем же ты ворочаешь попустому? – сказал Авдей. – Этакой народец!

И пошли прочь. Они уже решились итти на другую квартиру. Между тем Иван Савич глазел на окна всех этажей, и вдруг глаза его заблестали: в окне третьего этажа мелькнуло белое платье, потом показалось и тотчас спряталось кругленькое женское личико, осененное длинными черными локонами. Из-за него выглянуло другое, старое и некрасивое женское лицо.

– Ну, вот: тебя очень нужно! – проворчал Иван Савич, относя это ко второму явлению.

Когда они проходили мимо дворнической, из глубины ее, как из могилы, выдвинулась сонная фигура самого дворника, в рубашке, с самоваром в руках.

– Ты дворник? – спросил Авдей.

– Я-с. Что вашей милости угодно?

– Что! где ты прячешься! барин спрашивает тебя.

– Какой барин? – говорил дворник, поглядывая с любопытством на Ивана Савича.

– Мы тебя целый час ищем, – сказал Иван Савич,

– А вы бы позвонили.¹² – Мы даже трезвонили; руки отколотили, стуча в дверь.

– Не слышал. Признаться, соснул маленько, – сказал дворник.

– Так не мы тебя разбудили? – спросил Иван Савич.

– Нет-с, я сам проснулся. Диво, как я не слышал. Мне только чуть дотронься до скобки, я и услышу.

– В третьем этаже здесь отдаются три комнаты и кухня? – спросил Иван Савич. – Покажи-ка нам.

– Сейчас-с. Вот ключи только возьму. Пожалуйте-с.

Он поставил самовар на землю и повел было их на лестницу, но вдруг заметил того мужика, который помогал Ивану Савичу и Авдею стучать в дверь, и воротился. И они воротились.

– А! ты здесь! – начал он кричать. – Зачем пожаловал? Послушай! толком тебе говорю: убирайся и не показывайся сюда, а не то, брат, худо будет. Хозяин велел тебя взашей вытолкать. Слыхал ты это?

Мужик спрятался за ворота.

– То-то же; будешь у меня прятаться, – примолвил дворник. – Пожалуйте-с.

Они пошли на лестницу. Дойдя до первого этажа, дворник бросился к окну в сенях посмотреть, ушел ли мужик. Но он оказался опять на дворе.

– Аль тебе мало слов? – кричал дворник, грозя из окна ключами, – ну, так я кликну городского: он с тобой разделается; уходи, говорят, уходи, куда цел. Пожалуйте-с.

И Иван Савич с Авдеем смотрели в окно и видели, как мужик опять спрятался. Пошли выше.

– А ведь, чай, не ушел, проклятый, – сказал дворник, всходя на площадку второго этажа. – Хоть побиться!

Наконец пришли в третий этаж к дверям. Дворник прежде всего подошел к окну.

– Не видать! – говорил он сам с собой. – Поди, чай, врет: не ушел! Этакая должность проклятая! Усмотри за ними! Пожалуйте-с.

Он стал отпирать двери. В это самое время из дверей противоположной квартиры выглянула та же самая хорошенькая головка, что смотрела из окна, и тотчас спряталась.¹³ – Я думаю, я найму эту квартиру, – сказал Иван Савич и толкнул локтем Авдея.

Авдей отворотился.

– А? как ты думаешь, Авдей?

– Что вы, сударь, торопитесь, – отвечал он. – Может, еще не хороша.

– Как понравится, – примолвил дворник.
– Прехорошенькая, – заметил Иван Савич.
– Да ведь вы еще не видели ее; а может быть, она и холодна, – сказал Авдей.
– Холодна! как можно, холодна! – ворчал Иван Савич.
– Будьте покойны, – говорил дворник, махнув ключом и тряхнув головой, – такая жара, словно в печке: одни жильцы даже съехали оттого, что больно тепло.
– Как так?
– Четыре печки, сами посудите. В кухне русская, да и солнышко греет прямо в окошки. Жили иностранцы какие-то, и не понравилось; а нам, русским, пар костей не ломит. Довольны будете.
– Видишь, Авдей, кроме передней, какая у тебя еще славная комната? – сказал Иван Савич.
– Что мне видеть-то! – проворчал Авдей, взяв каргуз из одной руки в другую.
– Экой дурак! а ты отвечай по-человечески! – сердито заметил Иван Савич.
– Я и то по-человечески говорю; вестимо, человек: по-барски не умею, – сострил Авдей.

Квартира оказалась годною. Зала окнами выходила в переулочек, а кабинет и спальня на двор. Все как хотелось Ивану Савичу.

– А что это за пятно на потолке, как будто мокрое? – спросил Авдей.

– Да, в самом деле, что это за пятно, и еще в спальне? – спросил и Иван Савич. – Кажется, течет сверху?

– Точно так-с, – отвечал дворник, наклонив немного голову в знак согласия, – протекает маленько. Ино бывает наверху ушат с водой прольют, оно и каплет в щель.

Иван Савич покачал головой.

– Не извольте сумлеваться, – поспешил примолвить дворник, – будете довольны. А это пятно – так ничего! не глядите на него – оно дрянь! 14 – Вижу, что дрянь. Но ведь этак, любезный, пожалуй штукатурка отвалится да на нос упадет.

– И, нет-с, штукатурка крепка – не отмокнет: другой год каплет. Вы только, как станет капать, ведро извольте подставить.

– А как не доглядишь, – сказал он, – да вода-то твоя на мебель или на платье потечет?

– Нет-с, услышите: ведь оно закаплет, словно дождь пойдет: так и забарабанит.

«Дождь в комнате! – думал Иван Савич, – лишнее, совершенно лишнее!» – Зачем же не замажут? – спросил он.

– Все тоже спрашивают, – отвечал дворник, – я сказывал хозяину, да он говорит, что уж он замазывал в ту пору еще, когда вот эти жильцы нанимали, что съехали. «Неужто, говорит, для каждого жильца стану замазывать!» да еще ругнул меня.

Иван Савич задумался было, но вспомнил о соседке и махнул рукой. «Что ж! ванны не нужно, – прибавил он, обращаясь к Авдею. – Стал под это пятно да попросил там вверху пролить ушат с водой, вот тебе и душ».

Он дал задаток.

– Позвольте, сударь, позвольте! – сказал торопливо Авдей и вырвал у дворника ассигнацию, – надо все с толком делать: а есть ли сарай для дров?

– Есть: сажень на пять.

– Ну, а ледничек особый?

– Ледника нет. Да на что вам ледник? У вас ведь нет хозяйства; али барин женат?

– Нет, мы холостые. Да как не нужно ледника? Случится поставить что...

– Да что вам ставить?

– Как что? дыню иной раз...

– Ты все вздор говоришь, Авдей! отдай задаток! – сказал Иван Савич.

– Вздор! – повторил тихонько Авдей. – Сам вздор делает: дрова, вишь, у него вздор и ледник вздор, а глазеть куда не надо – не вздор!

– Можно на хозяйский ледник поставить, коли что понадобится, – сказал дворник.

Авдей отдал задаток назад.

Пока слуга торговался, Иван Савич отворил ногой дверь из передней в сени и поглядывал в лорнет в полуотворенную 15 дверь противоположной квартиры. Оттуда изредка выглядывали попеременно то молодое, то старое женское лицо.

– Ах, как мила! – бормотал Иван Савич, отворяя побольше дверь. – Черные глазки, свеженькая: можно пожуировать. Экое чучело! – говорил он потом, вдруг захлопывая дверь. – Какая беленькая шейка! О, да она много обещает! Никогда не видывал гаже хари! Что это она так часто выглядывает?

Вдруг в голове у него мелькнуло сомнение насчет соседки, и он тоже схватил ассигнацию из шапки дворника. Дворник потянулся было проворно прикрыть ее рукой, но не застал уж ее в шляпе и прикрыт пустое место. Он разиня рот смотрел, куда спрячет Иван Савич деньги. Но тот держал их в руке. Они вышли в сени.

– Кто тут живет напротив? – спросил Иван Савич.

– Тут-с... мужние жены, – отвечал дворник.

У Ивана Савича отлегло от сердца.

– Ну вот, слава богу, что порядочное соседство: честные женщины; а то ведь иногда... попадешь так, что и жить нельзя!

И он бросил ассигнацию опять в шапку. Дворник сжал ее в кулак с ключом, а шапку надел.

– А тут кто?

– Тут-с барышня, дочь умершего чиновника.

– Слышишь, Авдей, барышня.

– Что мне слышать-то! – сказал Авдей.

– А вон там повыше кто? – спросил Иван Савич.

– Это-то?

– Да.

– Женатый чиновник.

– А внизу?

– Чиновник вдовец.

Иван Савич стал морщиться.

– Ас другой стороны? – спросил он.

– Чиновник-с.

– Что за чорт! А там? – говорил Иван Савич, указывая на самый верх, и, не дожидаясь ответа, сам кивнул головой, как будто догадываясь, кто. И дворник кивнул.

– Тоже?

– Тоже.

– Хм! – с досадой сделал Иван Савич. – Женатый? 16 – Никак нет-с... у него экономка, Фекла Андревна, всем распоряжается. Хорошая женщина, такая хозяйка: ни обедни, ни заутрени не пропустит. А про вашу милость, коли спросит хозяин, как прикажете доложить? Кто вы?

– Кто я? – с важностью произнес Иван Савич, подступая к дворнику.

Дворник попятился и снял шапку.

– Кто я? – повторил Иван Савич. – Я холостой... чиновник!

Дворник надел шапку, тряхнул головой и только что не сказал:

«Что за чудо! Напугал понапрасну. Нам они не в диковинку».

Он запер дверь и тотчас посмотрел в окно из сеней.

– Нет, нету! – сказал он сам себе, – уж не пробрался ли на другой двор? чего доброго от эдакого анафемского мужика ждать! Он, пожалуй, и на другой двор пойдет, да даром: пусть пойдет, Фомка-то без сапог сидит.

Иван Савич с Авдеем стали сходить с лестницы. Им встретила баба с корытом. Они слышали, как она остановилась с дворником.

– Здравствуйте, Савелий Микитич! – сказала она.

– Наше вам, Степанида Игнатьевна!

– Что это, никак вам бог жильцов дает?

– Да, наняли.

– Кто такие?

– Вестимо, кто: чиновники. Я рад-радехонек. Теперь по этой черной лестнице у нас всё чиновники живут. А то уж как я боялся, чтоб не нанял какой мастеровой.

Дня через два на новую квартиру явился Авдей... За ним въехали на двор три воза с мебелью и другими домашними принадлежностями. Получше мебель и разные мелкие вещи несли солдаты на руках. Сам Авдей нагружен был мелочами, как верблюд. Одной рукой он обнял стенные часы; гири болтались и били его по животу. Между пальцами торчал маятник. В другой руке была лампа. Сзади из карманов сюртука выглядывали два бронзовые подсвечника. В зубах он держал кисет с табаком.

– Постой, постой! эк ты ломишь! – кричал он направо и налево. – Не ставь зеркала на грязь-то. Погоди носить: надо посмотреть, пройдет ли. Где дворник? да что ж он не17 отпирает? Господи воля твоя! это сущая каторга. Нет, чтоб самому хоть немножко присмотреть.

– Да где барин-то твой? – спросил подошедший в это время дворник.

– Где! чорт его знает, прости господи, где! Любит на готовое приехать. Переезжай, говорит, Авдей, а я уже к вечеру буду, да и был таков. Вот ты тут и переезжай как хочешь. Того и гляди все мое доброе растащат; у меня одного платья рублей на семьдесят будет.

Долго еще раздавалась по двору команда Авдея. Он, как гончая собака, раз сто взбежал и сбежал по лестнице. Там поддержит уголок дивана или шкафа, там даст полезный совет, как обернуть мебель, верхом или низом.

– Вот так, вот так, – слышалось беспрестанно, – нет, нет, повыше, еще, пониже, пониже: так, так; ну, слава богу, прошло!

Из окон глядели любопытные. Иные не отходили от окна во все время перевозки: часа этак четыре. Всё по разным причинам. Один любит знать, какая у